

Алеутские маски в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР

А. Д. Авдеев

4 декабря 1857 г. академик Л. И. Шренк от имени капитана корабля Российско-Американской компании Архимандритова¹ передал Академии наук «коллекцию предметов естественной истории и этнографии». В эту коллекцию входили преимущественно образцы минералов, животного мира, птиц, собранные капитаном Архимандритовым в различных пунктах Берингова моря, и между прочими предметами — две старые деревянные шаманские маски, найденные в пещере на о. Атха.² Коллекция была передана по назначению, отдельные предметы пополнили собрания соответствующих музеев Академии наук, а упомянутые маски поступили в Этнографический музей (ныне Музей антропологии и этнографии АН СССР), где и были занесены в «Журнал поступлений» музея под № 38 за 1857 г.³

Одна из масок (табл. I—III), зарегистрированная в колл. № 538-1, представляет собой деревянную личину преувеличенных сравнительно со средним человеческим лицом размеров (высота личины 24 см, ширина — 26.5 см, профиль — 15.5 см). Дерево, из которого вырезана маска, выглядит так, как будто оно очень долго пролежало в воде, почему и стало несколько трухлявым и приобрело легкий вес. Вообще маска сильно пострадала от времени, а возможно, и от сырости: она кое-где изъедена жучком, у нее не хватает некоторых деталей и т. д.

Маска состоит из двух разнимающихся частей: а) собственно личины и б) деревянной накладки, обрамляющей личину и наложенной на нее сверху.

Личина (рис. 1) изображает широкое человеческое лицо с большим широким носом (размеры овала лица 23.5 × 21 см). Лоб, щеки и верхняя губа показаны большими плоскостями. Брови вырезаны и, возможно, были окрашены (об этом свидетельствуют следы черной краски). Благодаря сильно развитым надбровным дугам глаза производят впечатление глубоко запавших. Тщательно вырезаны веки, имеющие правильную овальную форму (5.5 × 2.5 см), отмечены уголки глаз. Вместе с тем глазное яблоко не обозначено никак, и глазные отверстия на личине отсутствуют. Своеобразную форму и способ передачи имеет нос: он очень широк по крыльям и невелик по высоте (ширина минимальная 8 см,

¹ Сведения о самом Архимандритове приведены в конце статьи (в Приложении).

² *Protocoles*, 1857, Classe Physico-Mathematique Science, 4 Decemb., № XX, § 337, Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1а, № 96.

³ Музей антропологии и этнографии, «Журнал поступлений», т. II, 1837—1877.

максимальная — 10 см, а высота всего 6 см). Поперек переносья вырезана широкая морщина: это бывает в тех случаях, когда нос сморщен и поднят кверху; однако другие морщины, которые образовались бы обязательно в этом случае, отсутствуют. Если посмотреть на личину сбоку, то профиль носа представляет собой правильный сегмент размерами до половины круга. Конструктивно нос личины распадается на несколько резко обозначенных плоскостей: а) спинка носа, б) боковые поверхности, в) крылья носа, где прорезаны большие носовые отверстия, имеющие форму запятой. У основания носа также имеется отверстие длиной 4 см. Нижняя губа сильно выдается вперед и отделяется от подбородка. Верхняя губа в правую сторону показана дугообразной

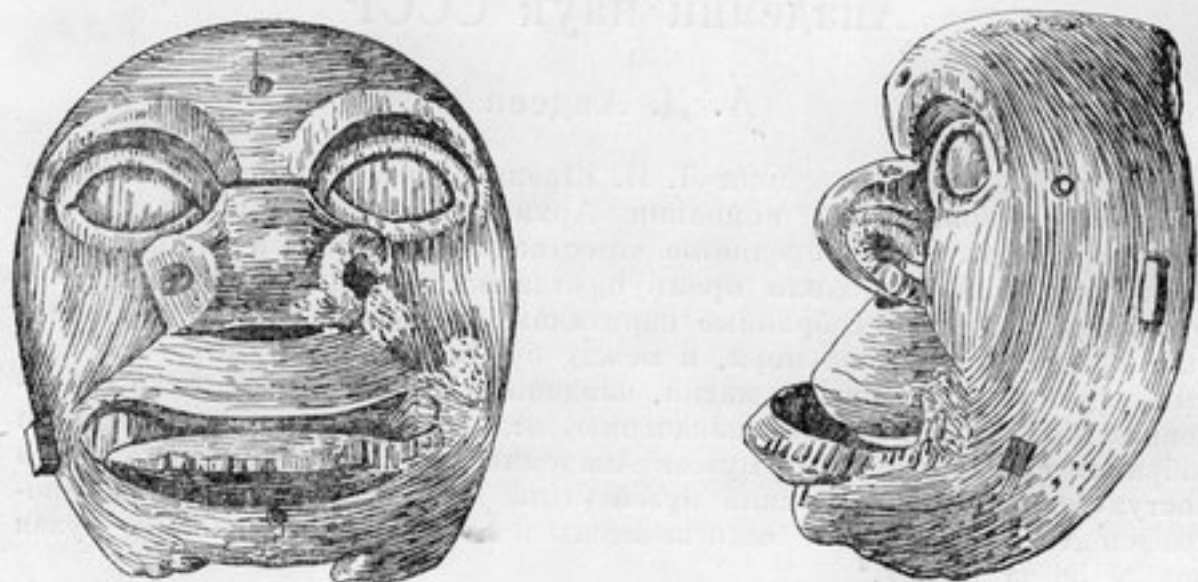

Рис. 1.

линией, на левой стороне эта линия отсутствует, так как это место личины повреждено. Ротовое отверстие прорезано не до конца рта, и углы рта определенно не обозначены. На теменной части личины имеется треугольное отверстие, вершиной обращенное к лицу (3.5 см $\times$ 2 см); назначение его неизвестно. В боковых частях личины, начиная приблизительно от нижнего края глаз, прорезаны прямоугольные отверстия (около 3 $\times$ 1.03 см), надо думать, для привязывания маски к лицу. На верхней и нижней губах, а также на внутренней поверхности ноздрей и век обнаруживаются следы кирпично-красной краски; особенно хорошо сохранилась она на верхней губе.

С внутренней стороны маска выдолблена и хорошо обработана (рис. 2). Здесь прежде всего обращает на себя внимание круглая, хорошо выструганная и выглаженная палочка, которая врезана в маску. Оба конца палочки, которыми она соединяется с маской, представляют собой прямоугольные параллелепипеды, из которых находящийся с левой стороны маски укреплен заподлицо с внешней поверхностью личины, а с правой стороны он выдается примерно на 0.5 см. На палочке сверху и снизу вырезано по две зарубки. Палочка сделана из другого сорта дерева, чем сама личина, и сохранилась гораздо лучше; возможно, что она была врезана позднее, но укреплена она накрепко.

Накладка (рис. 3), надевающаяся сверху на личину и обрамляющая ее, вырезана из такого же, что и личина, дерева, той же сохранности.

Эта накладка представляет собой как бы две «ленты» (ширина их 2.51 и 3 см); в верхней части они сходятся вместе, а на уровне нижнего края щек расходятся; причем внутренняя «лента» примыкает к углам рта, где и заканчивается, внешняя же идет по подбородку и подхватывает его (значительный кусок ее выломан и утерян). В налобной части обе «ленты» как бы скреплены вместе овальной деревянной «пряжкой». Накладка прикреплена к личине палочками-шпунтами, которые соединяют ее с личиной в четырех местах: на лбу, у внешних углов глаз и на подбородке (в последнем случае по линии разлома ясно видны следы отверстия; палочка, соединяющая накладку с личиной с правой стороны, отсутствует). Возможно, что концы «ленты», примыкающие к углам рта, также

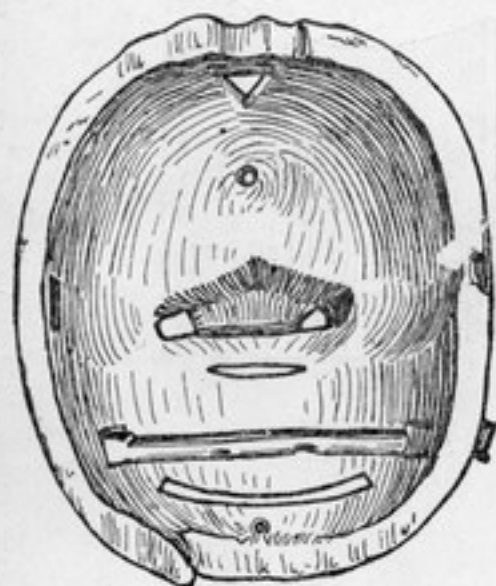

Рис. 2.

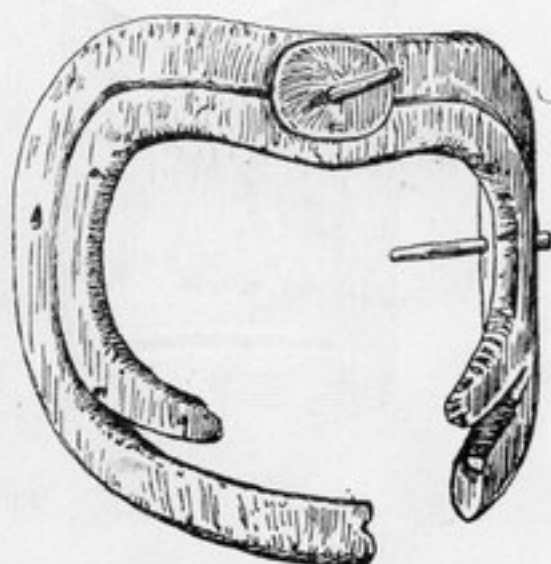

Рис. 3.

были скреплены с личиной: наличие отверстия на конце «ленты» с правой стороны дает основание это предполагать.

Что изображает эта накладка, установить пока не удалось. Но так как палочки легко можно вынуть, и накладка, таким образом, свободно отделяется от личины, можно предполагать, что и изображает она какую-то обособленную от лица часть: может быть, костюма, может быть, головного убора, может быть, шлема и т. д. Следы раскраски обнаруживаются и на этой части маски: несомненно, были окрашены с внутренней стороны куски «ленты», охватывающей рот.

Вторая маска (табл. IV и V), также относящаяся к группе масок-личин, во многом напоминает с первого взгляда предыдущую; однако при внимательном рассмотрении она имеет и существенные отличия.

Эта личина (колл. № 538-2) также вырезана из одного куска дерева (сильно выражена его слоистость), примерно тот же характер носит моделировка надбровных дуг, глазниц, носа, губ, но в деталях передача последних имеет свои особенности. Так, глазницы переданы здесь более округлыми (левый «глаз» несколько удлинен, правый приближается по форме к кругу,) нос представлен в несколько иной форме, ноздри прорезаны круглыми, а отверстие у основания носа более длинное (4.04 см) и более широкое; нижняя губа не отделяется от подбородка и гораздо менее, чем у предыдущей личины, выдвинута вперед; пожалуй, можно было бы сказать, что здесь представлена выдви-

нутой вся нижняя челюсть. Совершенно иначе вырезан рот. Прежде всего он отличается своей формой с овальными закруглениями у уголков рта. Между губами представлен высунутый язык, благодаря чему, очевидно, и не прорезано никакого отверстия: рот закрыт высунутым языком. В верхней десне сделано несколько (более десятка) идущих поперек десны надрезов, в некоторые из них вставлены кусочки дерева, изображающие зубы (всего на маске в наличии 5 зубов). Сохранилось ли только такое количество зубов, а остальные утеряны или же их и было небольшое количество, чтобы характеризовать человека с выпавшими зубами, т. е. старика, — сказать сейчас трудно. По состоянию надрезов можно предполагать и последний вариант.

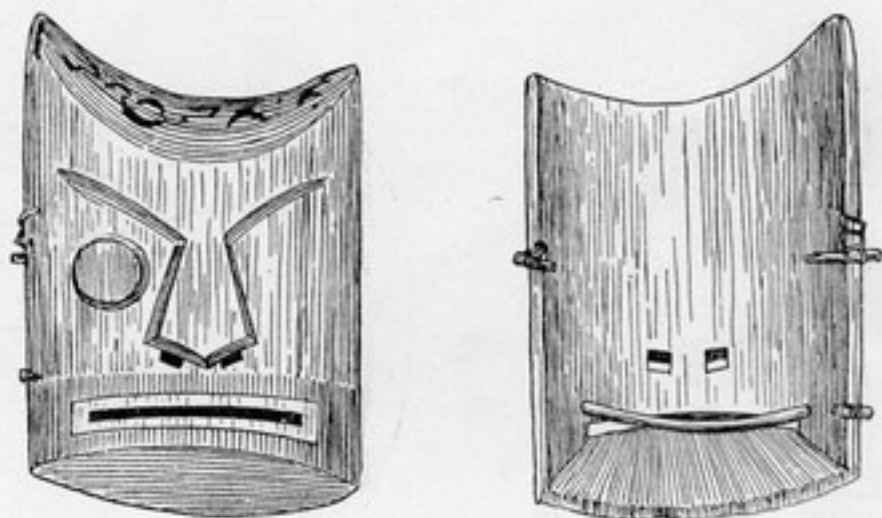

Рис. 4.

Вся маска темнее предыдущей: возможно, что дерево так потемнело от времени, а возможно и то, что вся маска была выкрашена в черный цвет, так как на подбородке и на глазницах явно видны следы раскраски. Красным были, очевидно, окрашены и веки, и весь рот.

На этой маске отсутствует накладка, подобная описанной выше; трудно сказать, существовала ли она вообще. С одной стороны, сохранились три круглые палочки, вставленные в отверстия на подбородочной части личины, расположенные симметрично, а также остатки таких же, видимо, палочек в области висков; с другой стороны, на лбу личины нет никаких отверстий, свидетельствующих о прикреплении к ней какой-либо детали, а вместе с тем наличие трех креплений на подбородочной части заставляет предполагать, что на данной маске накладка носила иной характер, чем на предыдущей. Все это, конечно, в данное время можно только предполагать.

Отсутствует на этой маске и палочка, укрепленная поперек личины с внутренней стороны, хотя и сохранились круглые отверстия для нее в самой маске; надо полагать, что подобная палочка была утеряна. По размерам данная маска несколько выше и уже предыдущей: ее высота 31 см (маска № 538-1 с накладкой высотой 24 см), ширина 23 см (ширина первой 26 см), по профилю 13.5 см. Таким образом, если первая маска по форме приближается к квадрату, то вторая представляет собой нормально удлиненный овал.

Вообще необходимо отметить, что эта последняя маска представляет собой по сравнению с первой, пожалуй, более реалистическое изображе-

ние человеческого лица, хотя последнее и передано с некоторым преувеличением и подчеркиванием деталей.

Алеутских масок во всех музеях мира до наших дней сохранилось относительно незначительное количество. Каждый экземпляр подобных масок уже сам по себе представляет особый интерес и ценность. Поэтому мы считаем необходимым уделить маскам Архимандритова значительное внимание.

В 1934 г. при регистрации и описании этих масок С. А. Ратнер-Штернберг отнесла их к числу погребальных, взятых, по ее словам, «вероятно с покойника, так как алеуты мумифицировали прежде своих покойников и покрывали масками. Возможно, что хоронили в пещерах».¹

В своем утверждении С. А. Ратнер-Штернберг опиралась, очевидно, на сведения, опубликованные В. Х. Доллом.²

Сообщая о двух различных способах погребения, существовавших у алеутов (для бедных лиц захоронение трупа под скалистым навесом завернутым в свою одежду или цыновки; для особо почетных лиц, богатых, многосемейных или особо отличившихся удачливых охотников и т. п., мумификация трупа и захоронение в скорченном виде, сидя, и особым образом запакованным), В. Х. Долл пишет, что бедные люди хоронились с маской на лице.³ Это же подтверждается как будто и информацией, полученной им от священника-алеута в 1871 г. о том, что «у ранних насельников этого острова (речь идет об о. Адак, — А. А.) хоронили в пещерах и под скалистыми навесами, а охотники рассказывали, что находили эти останки с масками и другими предметами поблизости».⁴ Употреблялись ли маски при захоронении богатых алеутов, подвергавшихся мумификации, по данной работе установить не удалось. Несмотря на то, что В. Х. Долл описывает несколько мумий, из которых одну развернутую, и подробно перечисляет найденный при них инвентарь, приводя прекрасные фотографии и того и другого, он нигде, ни одним словом не упоминает о масках, найденных при этих мумиях.⁵ Значило ли это, что В. Х. Долл утверждает употребление масок только для бедных лиц, — установить трудно. В другой своей работе он как раз свидетельствует о наличии подобных масок на лице трупа для тех лиц, которые относятся к категории богатых или особо выдающихся, чьи трупы хоронятся мумифицированными и в скорченной, сидячей позе.⁶ Как бы там ни было, В. Х. Долл приходит к выводу, что «этот метод надевания маски на лицо мертвого, кажется, не общераспространен, так как в пещере Кагамиль, например, нет подобных масок. Почему же они надеваются — неизвестно. Известно только, что маски найдены по всему архипелагу там, где были найдены

¹ См. музейную опись Отдела Америки под № 538.

² W. H. Dall. 1) On the remains of later pre-historic man, obtained from caves in the Catherine Archipelago, Alaska territory, and especially from the caves of the Aleutian Islands. Washinton, 1878; 2) On masks, labrets and certain aboriginal customs. Third Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1881—1882, Washington, 1884, стр. 67—204, стр. 137—143 — Aleutian masks.

³ W. H. Dall. On the remains. . . , стр. 5.

⁴ Там же, стр. 7.

⁵ Любопытно отметить, что и И. Е. Вениаминов, сообщая о снабжении покойника погребальным инвентарем, не упоминает о масках. «Повесив труп так, чтобы он не касался земли, клали с ним разные вещи, количеством по мере любви к нему родственников или состояния его, а именно: промысловые и воинские орудия, разное платье и домашнюю посуду, из коей у всякой вещи дно выставляли» (И. Вениаминов. Записки об островах Уналашского отдела, ч. 2., СПб., 1840, стр. 81).

⁶ W. H. Dall. On masks. . . стр. 139.

трупы в пещерах. Вместе с тем трупы, погребенные в земле, не имели подобных масок, и, насколько известно, нигде в подземных погребениях эти маски не обнаружены».¹

И в той и в другой работе В. Х. Долл приводит описание найденных им масок, которые в самых общих чертах, если судить только по описанию, совпадают с нашими масками, но они настолько различны в деталях, что при первом же взгляде на те и другие можно убедиться, что речь здесь может идти только о близости, схожести, но ни в коем случае не о тождественности масок.

Кроме того, по поводу опубликованных масок Долл ничего не говорит о том, были ли они обнаружены на лице или черепе покойника; наоборот, как это видно из приведенного выше заключения автора, вопрос этот для самого Долла остается неясным. Тем не менее простого упоминания в тексте, что алеуты погребали покойников с маской на лице (я приво-дил это упоминание выше), и формального совпадения с масками, найденными в других пещерах, оказалось совершенно достаточным, чтобы зарегистрировать маски Архимандритова в качестве погребальных.

Под этим определением они существуют еще и поныне. Так это или не так, мы постараемся выяснить в дальнейшем. Что же касается наличия у алеутов именно погребальных масок, то вопрос этот продолжает оставаться неясным и по сей день: именно это утверждение А. Пинара и В. Х. Долла подвергается сомнению. Еще в 1947 г. М. Лантис указывала, что из сообщений В. Х. Долла и других не совсем ясно, были ли маски, обнаруженные в указанных пещерах, найдены положенными на лице или они находились рядом с телом.²

Значительно раньше, чем эти памятники алеутской культуры стали известны Альфонсу Пинару (а впоследствии и В. Х. Доллу), погребения в пещерах были обнаружены служащими Российско-Американской компании. Еще в 1826 г., как утверждает С. Марков, кто-то из них проник в загадочную пещеру на о. Атха и нашел там мумии со сложенными на груди руками. Так в п е р в ы е (подчеркнуто мною, — А. А.) был открыт этот способ погребения у алеутов.³

Правитель конторы К. Хлебников во время своего инспекторского посещения Алеутских островов в 1827 г. побывал в пещере на о. Атха и записал в своих «Путевых заметках»: «Из местных редкостей нельзя пропустить без замечания известия о здешних мумиях.

«При входе в гавань. . . лежит Каменный мыс, на котором находятся многие расселины, и в одной из них сохраняется труп человека. Алеуты не охотно о том сказывали, но многие из посещавших здешнее место чиновников (разрядка моя, — А. А.) отыскивали расселину и осматривали мумию. Последний посетитель был г. штурман Черков, который нашел, что труп был закладен сверху дерном; отложив оное, г. Черков увидел в лежащем положении сложенными на грудь руками тело все засохло и почернело; з у б ы о т к р ы т ы, о т м е н н о

¹ Там же, стр. 141. А. Пинар, посетивший в 1871 г. пещеру, в которой был потом и В. Х. Долл, сообщил также, что «маски, найденные в этой пещере, возможно, возлагались на лицо погребенных» (см.: Catalogue des collection, rapportées de l'Amerique Russe (Aujourd'hui territoire d'Alaska). Paris, 1872).

² Об этом см.: Frederica de Laguna. Chugach prehistory. (The Archaeology of Prince William Sound, Alaska). Univers. of Washington. Public. in Anthropology, vol. 13, Seattle, 1956, стр. 96.

³ С. Марков. Юконский ворон. Летопись Аляски. Л., 1946, стр. 270.

⁴ «Путевые заметки на бриге Кяхте по островам Андреяновского Берингова, Ближнего и Крысего отделов правителя Новоархангельской конторы Хлебникова 1827 года с мая по 7 сентября». Ученый Архив Географического общества, разр. 99,

белы и велики (разрядка моя, — А. А.); там же видел он черепа и кости человеческие. Живущие здесь русские уверяют, что во многих пещерах и расселинах находятся здесь неистлевшие тела, но Алеуты тщательно скрывают оные. Вышеописанный труп одет в парке из котиков, кое уже истлела. Думают, что сей труп сохранялся несколько десятилетий, то есть до обращения Алеут в христианство».¹

Впоследствии, работая над рукописью своих «Записок о колониях Российско-Американской компании», К. Хлебников находит необходимым вновь упомянуть о вышеизложенной достопримечательности о. Атха. Здесь точно указано, что штурман Черков видел мумию именно в 1827 г. и в лежащем положении. Кроме того, из этих же «Записок» мы узнаем, что и «в Уналашке также есть множество таких мумий, которым, кажется, алеуты воздают некоторые почести, но тоже с великою скрытностью от русских».²

Одну из подобных пещер на о. Атха посетил, очевидно, и Архимандритов. По всей вероятности, это была не та пещера, о которой говорит К. Хлебников и которую видели многие служащие Компании, в том числе и штурман Черков, ибо ни этот последний, ни такой любознательный и внимательный ко всякого рода достопримечательностям человек, как Хлебников, никто из них не упоминает о наличии в пещере или на мумии каких-либо масок; напротив, открытые сохранившиеся белые зубы, о которых сообщал Черков, ясно свидетельствовали о том, что на мумии не было никакой маски. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае мумия была обнаружена в лежащем положении, и несмотря на наиболее удобное положение для возложения погребальной маски, последняя отсутствует. Очевидно, не было ее и вообще, ибо в противном случае такая редкость была бы обязательно отмечена.

Попутно любопытно отметить, что ни капитан Сарычев в описании своего путешествия, ни даже такой вдумчивый и внимательный исследователь, как И. Вениаминов, уделяя внимание способам погребения у алеутов, нигде не упоминают о применении ими погребальных масок.

Так, Сарычев пишет: «... незажиточных Алеут хоронят просто в землю или иногда под утесом в пещерах; богатых же погребают в сделанных нарочно из напосного лесу срубках, где, насыпав несколько земли, постилают травяные ковры и кожу с байдарки; на оную кладут покойника спиною, связанного ремнями таким образом, как они обыкновенно сидят, колени пригнуты к грудям и руки под оным; потом покрывают сверху черепами и засыпают землею».³

Согласно И. Вениаминову, уналашкинские алеуты бальзамировали покойников и хоронили их, подвешивая в пещерах,⁴ а в «Записках об атхинских алеутах» (именно об атхинских) он сообщает, что у них хоронили сидя, скорчив и стянув ноги к груди.⁵

У нас нет оснований не доверять В. Х. Доллу, но вместе с тем нельзя не отметить, что, очевидно, возложение погребальной маски у алеутов

оп. 1, № 34. Рукописи трудов о российско-американских колониях и отдельные документы по деятельности Российско-Американской компании, собранные Ф. Ф. Веселаго и другими членами Географического общества.

¹ Ученый Архив Географического общества, разр. 99, оп. 1, № 34.

² См.: Ученый архив Географического общества, разр. 99, оп. 1, № 112, ч. IV, стр. 279а, 26а.

³ Путешествие капитана Сарычева, ч. II. СПб., 1802, стр. 167—168.

⁴ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. 2, стр. 80—81.

⁵ Там же, ч. 3. Записки об атхинских алеутах и колошах, стр. 11.

распространялось далеко не на всех погребаемых, и, возможно, маска находилась вообще только с покойником, занимавшим особое положение в обществе.

Если вспомнить, что маски Архимандритова обозначены как шаманские, то из этого можно было бы сделать вывод, что маска была атрибутом шаманского захоронения.¹ Однако при внимательном ознакомлении с экземплярами масок, хранящихся в Музее антропологии и этнографии, возникает вопрос: можно ли вообще считать данные маски погребальными, т. е. предназначенными для покрытия лица покойника?

Применение в этих целях маски известно у относительно немногих народов; нельзя не отметить, что распространенность обычая возлагать на лицо покойника специальную погребальную маску крайне ограничено по сравнению с широким распространением других видов использования маски.

Известны, например, погребальные маски у древних египтян, микенские погребальные маски (табл. VI, а), частично римские и так называемые минусинские маски, впервые найденные А. В. Адриановым при раскопках курганов Минусинского округа, а впоследствии, уже в советское время, в большом количестве обнаруженные и изученные С. В. Киселевым и другими исследователями и вошедшие в науку под наименованием таштыкских масок (табл. VI, в, г).²

Широко известна не только своей уникальностью, но и в качестве первоклассного памятника римского портретного искусства золотая погребальная маска боспорского царя Рискупорида III, относящаяся к III в. н. э., найденная в одном из курганов северного Причерноморья и хранящаяся теперь в собрании Государственного Эрмитажа в Ленинграде (табл. VI, б).

Под погребальной маской мы понимаем такую маску, которая возлагается при погребении на лицо покойника и хранится вместе с трупом, предназначенная, как можно полагать, для сохранения лица покойного в том виде, каким оно было при жизни.

Вопрос о назначении погребальной маски — вопрос сложный, плохо изученный и нуждающийся в специальном исследовании, выходящем за пределы данной статьи.

¹ С. К. Кузнецов, опубликовавший специальную статью под заглавием «Погребальные маски, их употребление и значение» (Казань, 1906), придерживается этого же мнения и категорически утверждает: «... в XVIII и начале XIX вв. очень много масок собрано у колюжей и алеутов (в бывших русских североамериканских владениях), которые хоронили своих шаманов и вождей в горных пещерах в сидячем положении, с масками ужасного вида на лице» (стр. 5).

² Римские и минусинские погребальные маски могут быть отнесены к последним лишь частично. У древних римлян, кроме погребальных, т. е. возлагаемых на лицо покойника, подобные же маски, изображавшие умершего, использовались родственниками его и актерами во время похоронных процессий: в масках они изображали покойного и предков. Из большого количества минусинских масок лишь немногие могли возлагаться на лицо. Как пишет об этом С. В. Киселев, «большинство... масок с ушами и масок с шеей настолько массивны, что не могли накладываться на лицо» (С. В. К и с е л е в. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 452). Кроме того, само «возложение на лицо» носило несколько иной характер, чем, скажем, у древних египтян, которые трупы мумифицировали; таштыкские маски сжигались вместе с трупом. Наибольшее их число найдено в виде обломков среди остатков трупосожжения, сложенных в гнездышки из травы или на полатах склепа. Реже встречаются целые маски, положенные сверху гнездышка; при этом большинство из них лежат лицом вниз» (там же, стр. 451). Таким образом, называть таштыкские маски погребальными можно только относительно — скорее это скульптурные портреты.

Сравнивая погребальные маски между собой, а затем с интересующими нас алеутскими масками, мы обнаруживаем, что и египетские, и микенские, и римские, и даже минусинские маски обладают сходными чертами, очевидно свойственными в с е м погребальным маскам. В то же время эти сходные для всех погребальных масок черты не обнаруживаются у вышеприведенных алеутских масок.

Погребальная маска представляет собой прежде всего портретную копию с лица умершего, которое она предназначена сохранить в неизменном, не подверженном тлению виде.

Предполагают, что погребальная маска изготовлялась по форме, специально снятой с лица покойного, пока его еще не коснулось разрушение.¹ Поэтому погребальные маски поражают реалистичностью своего изображения. Египетские бальзамировщики «старались передать на маске черты лица возможно точнее»;² относительно микенских масок «можно вполне решительно утверждать, что каждая маска представляет собою пластический портрет умершего»,³ настолько каждая из них отличается от других индивидуальными подробностями.

Относительно таштыкских портретов С. В. Киселев пишет, что «сличение всех масок, бывших мне доступными (всего свыше 300 экз.), убедило меня в портретной индивидуальности каждой из них. Ни разу не попадались хотя бы две маски, сделанные в одной форме.⁴ Именно точность передачи лица человека и сделала возможным их антропологическое обследование».

Описываемые нами алеутские маски, привезенные Архимандритовым, ни в коем случае не могут быть трактованы как портретное изображение лица покойника. Несмотря на всю их выразительность и даже, мы бы сказали, реалистичность, обе они отмечены преувеличенными чертами (трактовка рта и в особенности носа). В данном случае, вне всякого сомнения, имеет место изображение кокого-то фантастического образа, отображение существа, созданного человеческими воображением и фантазией.

Далее. Погребальные маски, как правило, изображают человеческое лицо с закрытыми глазами⁵ и закрытым ртом, что вполне естественно для изображения лица покойного.

На алеутских масках глаза и рот изображены широко открытыми, на одной из них показан даже высунутый язык и торчащие зубы.

На погребальных масках, как правило, отсутствуют какие бы то ни было отверстия: нет на них ни прорезей глаз, ни носовых, ни ротового отверстий. Это вполне понятно: необходимости в этих отверстиях не было, так как маска надевалась на покойника.

Обе алеутские маски имеют очень значительные носовые отверстия, а маска № 538-1 имеет ротовое отверстие, и обе они имеют странную на первый взгляд прорезь под основанием носа. Правда, наши маски не имеют глазных отверстий. Однако от-

¹ «Все известные мне маски, — пишет С. В. Киселев о таштыкских портретах, — делались в формах, снятых или прямо с лица покойника, или с его изображения, лепленного от руки» (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 448).

² С. К. Кузнецов. Погребальные маски. . . , стр. 17.

³ Там же, стр. 20.

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 449.

⁵ В отличие от других, на египетских погребальных масках глаза изображались открытыми; однако какие-либо прорезы и на этих масках отсутствуют.

существование подобных отверстий само по себе еще ничего не доказывает. В практике многих культурно отсталых народов мы очень часто встречаем маски, у которых нет тех или иных прорезей, иногда полностью отсутствуют вообще какие-либо отверстия, и тем не менее мы имеем дело с маской, надеваемой в тех или иных целях человеком.

Маски, относящиеся к группе масок-голов, например, и закрывающие всю голову целиком, очень часто не имеют глазных отверстий, и носящий их смотрит через носовые и ротовое отверстия. Таковы, например, многие маски ламаистской мистерии Цам (Монголия), изображающие как животных, так и людей. Некоторые из океанийских (меланезийских) масок вырезаются таким образом, что сама «ажурность» маски делает излишними какие-либо специальные отверстия для видения.

Среди тлинкитских масок встречается, например, шаманская маска *уохкет*, изображающая получеловека, полубобра, у которой имеются только носовые отверстия; через них и видит носящий маску. Такова же антропоморфная шаманская маска выдры *кляжкыт-куштака*, где имеются носовые и ротовое отверстия, и т. д.

Встречаются среди тлинкитских шаманских масок и маски, совсем не имеющие отверстий, и тем не менее они употреблялись тлинкитскими шаманами при камлании.¹ Носовые и ротовое отверстия, а также прорези под основанием носа на наших алеутских масках предназначались, надо полагать, для того, чтобы носящий маску мог через них видеть и ориентироваться. Если бы эти маски были погребальными и возлагались на покойника, наличие подобных отверстий было бы бессмысленным.

Погребальные маски, как правило, не имеют отверстий для прикрепления шнурков, чтобы привязывать маску. Это было совершенно не нужно, так как погребальная маска возлагалась на лицо покойника.

Наше алеутские маски обе² имеют отверстия, прорезанные по сторонам маски именно в той части, где могли прикрепляться шнурки или ремни, как это свойственно вообще всем привязываемым маскам-личинам.

Между прочим именно этот признак (наличие отверстий для шнурков) дает основание С. В. Киселеву считать некоторые таштыкские маски процессуальными, а не погребальными. Он пишет по этому поводу: «Есть и еще одна особенность таштыкских масок, сближающая их с римскими. На некоторых из них заметны отверстия, служившие для привязывания шнурков, прикреплявших маску к голове. Это вовсе не было нужно при наложении маски на лицо покойника, но это совершенно необходимо, если маску надевали участники погребальной церемонии».³

Таким образом, и по облику, и по трактовке глаз и рта, и по техническому устройству (отверстия для видения и отверстия для прикрепления) анализируемые алеутские маски совершенно не похожи на известные нам погребальные маски у других народов; наоборот, все эти признаки сближают рассматриваемые нами маски с широко распространенной маскировкой человека в иных целях. Окончательно нас убеждает в этом наличие палочки, зачем-то врезанной с обратной стороны в маску (палочка эта полностью сохранилась на маске № 538-1, на маске № 538-2

¹ Подробнее об этом см.: А. Д. Авдеев. Маска. (Опыт типологической классификации). Сб. МАЭ, т. XVII, 1956, табл. XIII, 1; XIV, 1; XVI, 2, 4; XXII, 1, 2; XXIII, 1, 2, 3; XXIV, 1.

² Хотя на маске № 538-2 подобных отверстий не обнаруживается, но сохранились явные следы их существования в прошлом.

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 454.

Табл. I. Алеутская маска с о. Атха (из коллекции капитана Архимандритова; колл. № 538-1).

Табл. II. Алеутская маска, вид сбоку (колл. № 538-1).

Табл. III. Алеутская маска, вид с обратной стороны (колл. № 538-1).

Табл. IV. Алеутская маска с о. Атха (из коллекции капитана
Архимандритова; колл. № 538-2).

Табл. V. Алеутская маска, вид сбоку (колл. № 538-2).

эта палочка утеряна, но сохранились отверстия, где эта палочка, по всей видимости, была укреплена).

а

б

в

г

Табл. VI. Различные виды погребальных масок.

а — золотая погребальная маска из Микен (фотография заимствована из кн.: J. G r e g o r. Die Masken der Erde, табл. 28; подлинник хранится в Национальном музее в Афинах); б — золотая погребальная портретная маска из погребения боспорского царя Рикунориды III (III в. н. э.; подлинник хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде); в — таштыкская погребальная маска (из собрания С. А. Теплоухова, колл. № 4134-10; подлинник хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде); г — таштыкская погребальная маска (из собрания С. А. Теплоухова, колл. № 4135-11а; подлинник хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде).

С. А. Ратнер-Штернберг так определяет назначение этой палочки: «Нужно думать, что это (т. е. наличие палочки, — А. А.) сделано с целью воспрепятствовать возможному раскалыванию маски» (музейная опись).

Однако внимательное рассмотрение масок и сравнительный анализ их с привлечением аналогичных примеров из практики других народов убеждают нас в том, что и это заключение С. А. Ратнер-Штернберг является ошибочным.

Трудно предположить, чтобы искусные мастера-алеуты, изготавливавшие маски, вырезывали последние из такого сорта дерева, которое при высыхании или от других причин могло бы расколоться, да еще на лице покойника; не говоря уже о том, что палочка не вставлялась изнутри, что было бы вполне достаточно, если бы она носила предохранительный характер, а очень крепко врезывалась в маску, представляя собой как бы единое целое; не говоря, наконец, о том, что потеря палочки на второй маске отнюдь не повлекла за собой ее раскалывание, и маска уже целое столетие хранится в музейных фондах, хотя и носит серьезные следы разрушений. Наличие подобной, крепко закрепленной палочки делает невозможным возложение ее на лицо покойника: трудно предположить, что для этой цели ему специально раскрывали рот и хоронили с раскрытым ртом.

Каково же в таком случае назначение подобного приспособления?

Нам известно о существовании у некоторых народов особого вида масок-личин, которые мы называем в предлагаемой нами классификации¹ «зубными масками», ибо они придерживались в зубах носящим маску, для чего и применялись различные способы: либо это была палочка, укрепленная поперек маски с обратной ее стороны, либо одна или несколько палочек, укрепленных перпендикулярно к самой маске, либо дощечка, либо кожаный ремешок и т. д. Во всех случаях носящий маску зажимал указанное приспособление в зубах, удерживая таким образом маску перед лицом. Для большей прочности маску иногда привязывали к голове, и при этом уживались вместе оба способа ее крепления.

Так, например, меланезийская маска с о. Матупи, сделанная из человеческого черепа (колл. № 157-399; табл. VII, а), снабжена поперечной палочкой; такова же китайская театральная маска, изображающая героя эпохи Сун (колл. № 1716-44; табл. VII, б). Маска яванского театра *вайяг-топенг* (колл. № 158-XX; табл. VII, в) имеет иное устройство: здесь с внутренней стороны перпендикулярно к маске врезаны три маленькие деревянные палочки, которые при употреблении маски зажимались в зубах. Нам известна маска японского театра в жанре *кьогеи*, где такое же назначение имеет небольшая деревянная дощечка, также укрепленная с внутренней стороны маски перпендикулярно к последней. Примеры можно было бы увеличить.

Чем вызвано было появление именно такого способа ношения маски, лишаящего исполнителя речи, а потому не очень удобного, сказать сейчас, конечно, очень трудно. Мы можем только предполагать, что «зубные маски» применялись тогда, когда необходима бывала быстрая смена действующих лиц, и не случайно поэтому мы встречаемся с этого вида масками на шаманских сеансах и в театральных представлениях: здесь быстрая смена образов по ходу действия могла быть просто необходимой. Однако, с другой стороны, тлинкитские шаманы, о которых хорошо известно, что они во время камлания сменяли множество масок, применяли главным образом привязные личины. Повто-

¹ См.: А. Д. Авдеев. Маска. (Опыт типологической классификации), стр. 251, а также табл. XXVI, где помещены фотографии некоторых «зубных масок» из коллекций МАЭ.

ряем, вопрос этот пока еще находится в области предположений. Но факт довольно широкого распространения «зубных масок» остается фактом. Любопытно отметить, что и тлинкиты, наиболее близкие по территории

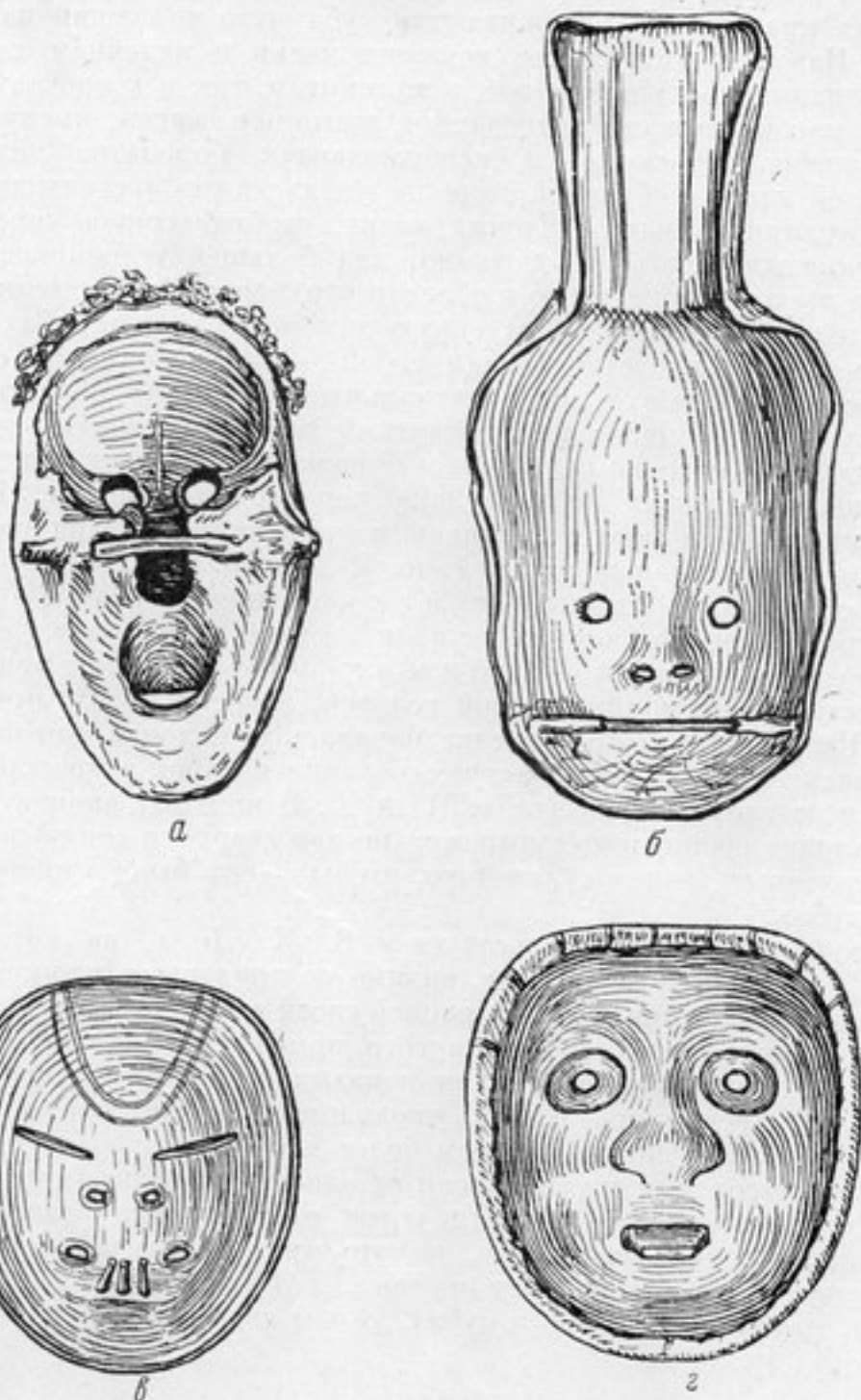

Табл. VII. Различные типы «зубных масок» с обратной стороны.

а — черепная маска с о. Матуи (Меланезия; МАЭ, колл. № 157-399);
б — китайская театральная маска (МАЭ, колл. № 1716-44); в — маска яванского театра (Индонезия; МАЭ, колл. № 158-XX); г — маска японского театра (из собрания автора).

к алеутам, знали применение подобных «зубных масок», о чем имеются указания в литературе. Известны и материальные памятники, хранящиеся в этнографических музеях. На литературные свидетельства ссы-

ляется сама С. А. Ратнер-Штернберг, к сожалению, не сделавшая из этого соответствующих выводов. Так, описывая тлинкитские шаманские маски и ссылаясь на Альберта Ниблок,¹ она пишет: «Привязываются маски при помощи ремешков или миткалевых завязок, прикрепленных у боковых краев, либо удерживаются зубами за торчащий изнутри ремешок».² Известен этот способ ношения маски и индейцам *квакиутл* и *нутка*, близким по культуре как к тлинкитам, так и к алеутам.

Среди масок *квакиутл* встречается, например, маска, именуемая Боасом — свадебной маской — и изображающая бородатое человеческое лицо; у этой маски с обратной стороны в области рта врезаны две палочки перпендикулярно к маске. Другая маска, изображающая морское чудовище, привязывалась. Но, очевидно, для большей устойчивости и крепости она имела укрепленную в области верхней губы сплетенную из сухой травы петельку, предназначенную для зажимания в зубах.³

Маска *нутка*, представляющая собой человеческое лицо с сидящей на голове птицей, имеет две вертикальные палочки в области носа.⁴

Известна также маска из Британской Колумбии, изображающая человеческое лицо с бровями, усами и бородкой из меха, где для удерживания маски в зубах прикреплена поперечная палочка. На подобной же инуитской маске с Аляски из района прол. Принца Вильяма ясно видна поперечная палочка⁵ (рис. 4, на стр. 282).

Рассматриваемые в настоящей статье алеутские маски относятся к этой же категории, именуемой нами «зубными масками»; применял их при известных церемониях живой человек, и носил он их, придерживая зубами. Именно для этого и предназначалась та палочка, которую мы видим на маске № 538-1 и следы существования которой в прошлом обнаруживаются на второй маске (табл. III и V). В этом нас окончательно убеждает наличие специальных вырезов (по два сверху и снизу) на палочке, предназначенных, видимо, для того, чтобы маску было удобнее удерживать в зубах.

Об этом, кстати, свидетельствует и В. Х. Долл, на которого ссылается С. А. Ратнер-Штернберг, видимо не придавшая этому обстоятельству никакого значения. В более ранней своей статье он пишет, что внутри маски от одного угла рта до другого помещается маленькая круглая палочка; ее держали в зубах, как показывают следы прикуса, а кроме того, маска укреплялась лентой, проходившей сзади головы.⁶ В другой работе В. Х. Долл пишет об этом более пространно: «Маленькая круглая палочка проходит внутри маски от одного конца до другого. Концы, пронизывающие маску в области углов рта, выглядят так, как будто этим хотели изобразить втулки, но это простая случайность, так как этот вид масок никогда не имел втулок. . . Эта палочка предназначалась для того, чтобы держать ее в зубах, о чем свидетельствуют следы прикуса».⁷

¹ Albert P. Niblack. The coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia. Report of the U. S. National Museum, Washington, 1888, стр. 270—271.

² С. А. Ратнер-Штернберг. Музейные материалы по тлинкитскому шаманству. Сб. МАЭ, т. VI, Л., 1927, стр. 102.

³ См.: F. Boas. The social organization and the secret societies of the Kwakiutl Indians. Washington, 1897, рис. 6 на стр. 365 и рис. 121 на стр. 478.

⁴ E. v. Sydow. Die Kunst der Naturvölker und die Vorzeit. Berlin, 1923, стр. 312.

⁵ W. H. Dall. On masks. . . , табл. XXIII, стр. 51—53.

⁶ W. H. Dall. On the remains. . . , стр. 30.

⁷ W. H. Dall. On masks. . . , стр. 141.

В. Х. Долл не задумывался над тем, как же могла маска с подобной палочкой возлагаться на лицо покойника и для чего на погребальной маске нужна была палочка, удерживаемая в зубах.

Может быть, прежде чем оказаться в пещере в месте с трупом (а отнюдь не на его лице), данная маска служила иным целям, когда удерживание маски в зубах было просто необходимым?

Если попытаться зажать маску между зубами, то легко можно убедиться не только в том, что держать ее в зубах очень удобно, но и в том, что носовые отверстия и прорезь, сделанная у основания носа, дают возможность носящему маску довольно хорошо видеть и ориентироваться. Нет никакого сомнения, что данные алеутские маски употреблялись прежде всего живыми людьми и на лицо покойника возлагаться никак не могли.

Почему же в таком случае эти маски находились в пещере, где имело место и захоронение трупа?

Еще при поступлении в МАЭ маски эти именовались (очевидно, собирателем) шаманскими; известно также, что найдены они были в пещере на о. Атха. Ф. де Лагуна, со слов Макари, утверждает, что чугачи использовали пещеры просто для хранения шаманских масок.¹ Тот же автор пишет, что алеуты, очевидно, имели обычай класть в пещеры маски и барабаны, которые использовались при церемониях; пещеры же независимо от этого могли быть использованы при случае и как место захоронения.² Таким образом, она высказывает предположение, что связь маски с находившимся в пещере трупом могла быть и случайной. Это едва ли вероятно, нам такая связь представляется более органичной.

В этом отношении более близким к истине является объяснение В. Х. Долла, хотя оно и относится к жителям о. Кадьяка, т. е. эскимосам: «У туземцев Кадьяка распространено употребление масок на празднествах и танцах, в особенности тех, где принимали участие шаманы; говорят, что эти маски часто клали вместе с мертвыми».³ Думается, что такое объяснение нахождению масок при погребениях будет совершенно правильным и в отношении алеутов. В данном случае играет роль широко распространенный обычай снабжать покойника тем или иным инвентарем при захоронении. В. Х. Долл, например, обнаружил вместе с алеутскими мумиями циновки, деревянную посуду, наконечники стрел, ожерелья, вооружение, одним словом, самый разнообразный инвентарь, причем как в подлинниках, так и в специально изготовленных копиях-моделях.⁴

Мы считаем, что и маски шаманов у алеутов помещались в погребениях последних в качестве погребального инвентаря, так как они служили им при жизни на празднествах во время церемониальных плясок.

В какой мере и при каких обстоятельствах алеутские шаманы применяли маскировку? Сведениями для ответа на этот вопрос мы обязаны прежде всего И. Е. Вениаминову, который в своем труде об островах Уналашкинского отдела сообщает много интересного, в частности и об алеутском шаманстве: «У прежних Алеутов были и шаманы, и шаманства... Шаманы здесь (как и везде) были или считались посредниками между видимым миром и невидимым, между людьми и духами; и простолюдины... прибегали к ним за помощью в опасных болезнях и несчастиях,

¹ См.: Frederica de Laguna. Chugach prehistory. . . , стр. 96.

² Там же.

³ W. H. Dall. On the remains. . . , стр. 28.

⁴ Там же, стр. 21 и сл.

просили у них счастья в промыслах, долголетия, чудесного спасения в опасности на море укрощения бури и ветров и проч.»¹

Наибольший интерес представляет для нас часть 3 этих «Записок», озаглавленная «Записки об атхинских алеутах и колошах», ибо она повествует именно о том районе, где Архимандритовым были найдены наши маски. Отмечая наличие шаманства у атхинцев, И. Вениаминов утверждает, что «обыкновенным занятием шаманов было делать маски и личины, а иногда тайком и болваны, составлять и учреждать игрища, сочинять песни и проч.»² В изготовленных таким образом масках шаманы выступали на игрищах и во время шаманских сеансов.

«Духословие Атхинцев было весьма обширно; они веровали и в птиц, и рыб, и других животных; в солнце, небо и прочие неодушевленные твари, думая, что духи живут в них. А как сношение с духами представлялось одним только шаманам, то они и изображали их, как умели или хотели в масках или личинах, употреблявшихся при шаманствах и игрищах. Такие маски и личины видел еще и сам описатель их. Он говорит, что оне вообще безобразны и представляют какого-либо животного в изуродованном виде».³

Таким образом, шаманы изображали различных духов в масках, изготовленных ими самими.

Характерно, что все исследователи, о которых мы неоднократно упоминали (Пинар, Долл и др.), обратили внимание на то, что в различных случаях алеуты применяли и различные маски.

Так, В. Х. Долл, описывая найденные им маски, считает необходимым отметить: «Замечательной особенностью этих масок является то, что ни одна из них не напоминает физиономии алеута... С другой стороны, маски для обычных нерелигиозных танцев прекрасно характеризуют алеутский тип лица».⁴

Это же считает необходимым подчеркнуть и Ф. де Лагуна. «Долл различал, — пишет она, — алеутские танцевальные маски, употребляемые во время церемоний, и те, которые помещались на мертвого или с ним. Первые... являются натуралистическим портретом алеутского физического типа. Между тем как погребальные маски (надо думать, речь идет о шаманских масках, — А. А.) отображают грубые, неуклюжие лица с очень широким большим носом... выступающим подбородком, свирепо оскаленными зубами и т. д.». К сказанному Ф. де Лагуна считает нужным прибавить: «Однако эти маски (т. е. те, которые Долл считает погребальными, — А. А.) также и носили, так как поперечная палочка сзади, которую зажимали в зубах, обнаруживает следы зубов носившего маску... глаза не были прорезаны, но носящий мог смотреть вниз через нос маски. Это соответствует алеутской церемониальной маске».⁵

Последнее замечание лишний раз подтверждает предположение о том, что описываемые нами алеутские маски являлись шаманскими, изображали шаманских духов (почему и дают фантастическую трактовку лица) и использовались в качестве погребального инвентаря при захоронении шамана. При жизни же их владельца они употреблялись им во время шаманских церемоний, а также во время различных празднеств, там, где имело место участие шамана.

¹ И. В е н и а м и н о в. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. 2, стр. 123.

² Там же, ч. 3, стр. 6.

³ Там же, стр. 3.

⁴ W. H. D a l l. On masks. . . , стр. 141.

⁵ Frederica de L a g u n a. Chugach prehistory. . . , стр. 96.

Со слов очевидцев также известно, что алеутские шаманы принимали непосредственное и активное участие в подобных празднествах. На это указывает и И. Вениаминов: «Празднество состояло (празднества устраивались по случаю приезда посторонних людей, гостей, возвращения своих из дальнего пути, победы над врагом, удачи в промысле и т. д., — А. А.) обыкновенно в сценических представлениях, при песнях и бубнах; тогда употреблялись маски, личины разные и все промысловые орудия и вещи, смотря по тому, что представляют пляшущие.

«Нередко при таких празднествах бывали и шаманства. И вообще при всех игрищах и празднествах перводействующими лицами были всегда шаманы (разрядка моя, — А. А.).¹

Последнее указание особенно важно: оно свидетельствует о том, что шаманы не только отправляли те или иные церемонии, но и возглавляли все игрища, а следовательно, были и их организаторами.

Благодаря довольно подробному описанию празднеств, оставленному Вениаминовым, мы можем представить себе, каковы же, собственно говоря, были эти «игрушки», как их именуют русские авторы XIX в. И. Е. Вениаминов пишет: «Игрушки, или празднества, прежних алеутов были двойные: одни торжественные и общие (для нас наиболее интересные, — А. А.), а другие частные и простые.

«Торжественные празднества состояли в сценических представлениях, которые всегда происходили зимою и попеременно: то в одном селении, то в другом. . .

«Каждое селение на перерыв старалось перещеголять друг друга в изобретении сцен, искусстве представлений и богатом угощении. Игрушки, или представления, одного селения не походили на игрушки другого. . .

«. . . Подобные игрушки назывались *камак* (представление) и на них никогда не шаманили,² но именно представляли в лицах (разрядка моя, — А. А.) что-либо историческое из их древних событий, как-то: или сражение с неприятелями, зверями, или нападения на тех или других, или мировая и проч., а нередко поэты их сочиняли и свои сцены. Замечательно то, что везде и во всяком представлении, у них на сцене были два лица, или лучше сказать, две чучелы, необычайной величины, сделанные из травы и одетые в лучшее платье, в середине коих, действовал человек. Одно из сих лиц, называемое *игадагах* (страшилище), представляло великана со страшным лицом и длинною бородою; а другое, называемое *кугалитали* (что-то вроде дьявольщины, от слова *кугак* — дьявол) было еще более первого и тоже со страшным лицом.

«Лицеден, действующие на сцене, а также все пляшущие всегда оказывали им предпочтение. Но что? или кого означали эти два лица? или с чего взяты? Никто не может сказать. Представление происходило всегда в общей бараборе, или кажме, где передняя половина завешивалась церелами, из-за коих лицеден и плясуны выходили на сцену в личинах и без личин. . .

«Все. . . выходившие на сцену (кроме тоёна и некоторых почетных, — А. А.) были в различных масках и представляли в лицах все, что вздумается, напр. сражение, победу, мир, ловлю зверей и проч., имея в ру-

¹ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. 3, стр. 13—14.

² Противоречие с предыдущим утверждением. Возможно, что в данном случае автор имел в виду именно камлание, а не участие шамана в празднестве и представлениях, желая таким образом подчеркнуть театральность последних.

ках оружия или какие-либо вещи, приличные представлению. . . (для большей натуральности) запасались небольшими пузырями с нерпечью кровью. . . Кровь лилась в виду у зрителей.

«Во все время представлений бубны и песни не умолкали, изменяясь только по роду представлений.

«Таковые представления продолжались по нескольку дней и вообще до тех пор, пока не кончались все их приготовленные пьесы или сцены».¹

Некоторые интересные подробности относительно алеутских представлений сообщает капитан Сарычев, также лично наблюдавший последние в конце XVIII в.

«Я застал еще здесь игрища, бываемые у Алеут обыкновенно зимою и продолжающиеся до весны, или до тех пор, на сколько станет китового жиру, — пишет он в своих путевых заметках. — Начало сих празднеств, как рассказывают, произошло от шаманов (разрядка моя, — А. А.), которые уверяли Алеут, что служащие им духи любят сии увеселения и обещают за оные выкидывать на берега их китов (весьма распространенный повод для организации праздника в честь духов, — А. А.).

«Для таковых игрищ обыкновенно делаются деревянные личины, по виду казавшихся шаману духов (разрядка моя, — А. А.).

«В той юрте, где я остановился, Алеуты сделали один раз игрище (это было в феврале 1791 г., — А. А.).»²

Сарычев подробно описывает все приготовления к «игрищу», приход гостей, которых испытывали в ловкости, заставляя их спускаться в помещение по особо приготовленной ненадежной лестнице. Затем следует описание пляски нагих мальчиков, костюмированных мужчин с бубнами, женщин, прыгающих и скачущих с надутыми тюленьими пузырями и стрелками. И наконец, «когда все женщины переплясали, тогда выходили мужчины, один за другим, под разными личинами. Первая из них имела разинутый рот и вверху ее тюленья голова; Алеуты, ударяя в бубны, пели ей песню, которую хотя мне толмачь и переводил, но я смыслу оной понять не мог. . .»³ После сей песни вышла другая личина с искривленным ртом и посохом в руке. . . Третья личина была об одном правом глазе. . .

«После муштин вышли в личинах же две женщины и сели по сторонам Алеута, имевшего личину с тюленьим ртом; перед ними плясали несколько женщин; одна из них имела растрепанные волосы; все же они держали в руках сивучьи усы, которыми иногда показывали на сидящую в середине харю. . .

«Сим последним действием кончилось игрище».⁴

Пространное цитирование этих записей очевидцев объясняется их исключительной для нас ценностью. Уже во времена И. Вениаминова эти празднества не справлялись: об этом свидетельствует он сам: «В нынешнее же время торжественных игрушек не бывает».⁵

¹ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. 2, стр. 85 и сл. По всей организации алеутские представления, как можно предполагать, напоминали более известные и более доступные для наблюдения театральные представления ханты-мансийского медвежьего праздника.

² Путешествие капитана Сарычева, ч. II, стр. 134 и сл.

³ Сарычев приводит переводы всех песен, сопровождавших пляски замаскированных, смысл этих песен по переводу уяснить нельзя.

⁴ Путешествие капитана Сарычева, ч. II, стр. 136.

⁵ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. 2, стр. 93.

Очевидно, благодаря интенсивной христианизации и не менее интенсивному вымиранию алеутов уже к половине XIX в. эти интереснейшие алеутские театральные представления полностью исчезли.

Тем большую ценность представляют собой те авторские рисунки алеутских масок, которые прилагает Сарычев к своим «дневным запискам» и которые для издания были специально скопированы и уменьшены в чер-

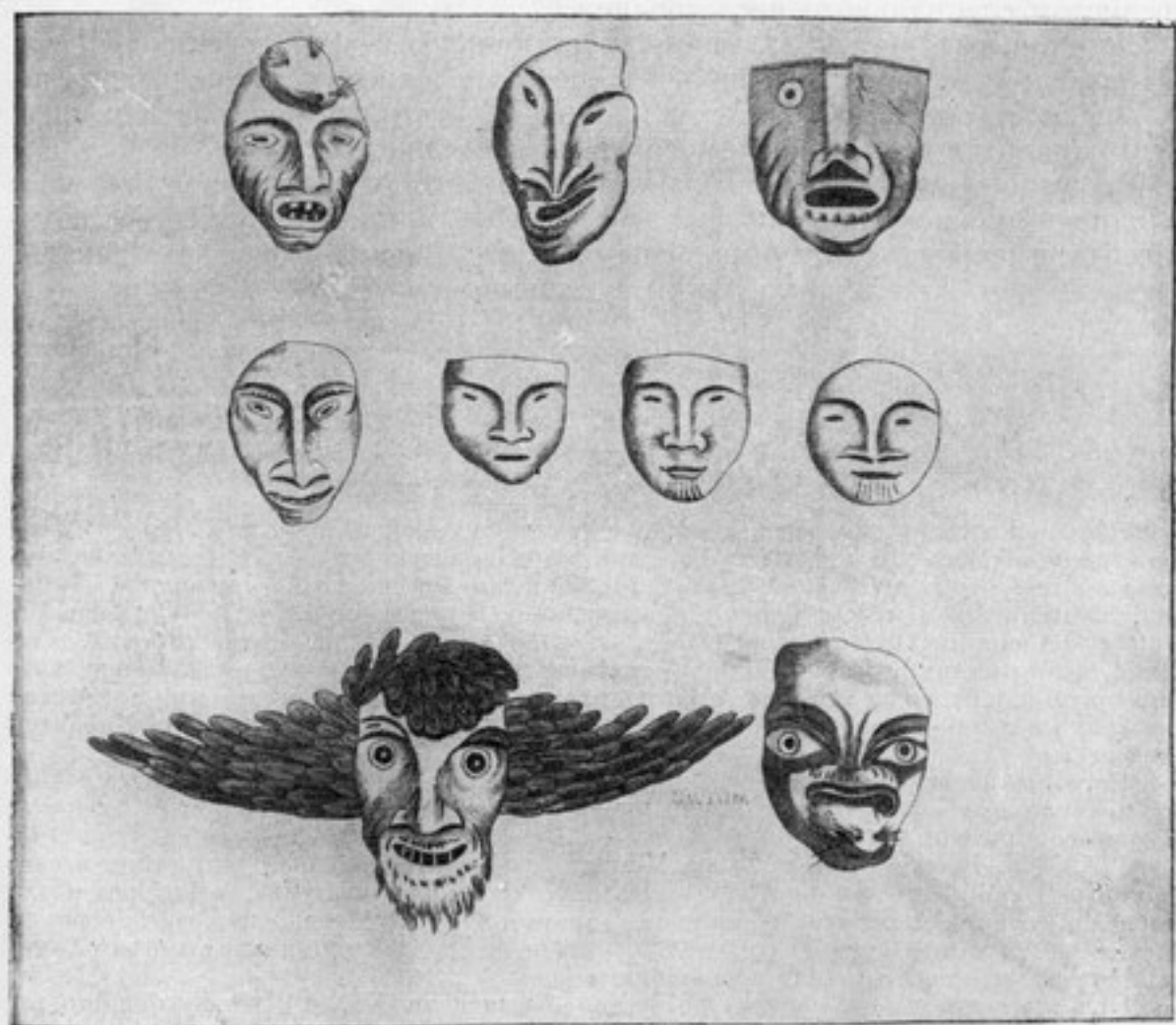

Табл. VIII. Рисунки алеутских масок, сделанные капитаном Сарычевым (см.: Путешествие капитана Сарычева. СПб., 1802, ч. II, стр. 136).

тежной Государственной Адмиралтейств-коллегии (табл. VIII). Среди них находятся упоминаемые Сарычевым личина с разинутым ртом и тюленьей головой на вершинке, личина с искривленным ртом, личина с одним, правым глазом. Кроме них, имеются на этой таблице изображения четырех масок, более или менее реалистично отображающих человеческое лицо, а в последнем ряду снова две фантастичные маски, из которых одна изображает лицо с бородой, оскаленным ртом и круглыми, вытаращенными глазами; по обе стороны личины простерты как бы крылья из птичьих перьев, из них же сделаны и волосы; вторая личина с большими глазами, без носа, и во рту у нее вместо языка тюленья морда. Возможно, что это и есть та самая личина, которую Сарычев упоминает как личину с тюленьим ртом.

К сожалению, ни расшифровать подлинное значение этих изображений, ни пополнить чем-либо сообщения Вениаминова и Сарычева пока не удалось — сведения об алеутских празднествах и плясках крайне скудны. Возможно, что для более полного суждения об этих «игрушках» надо было бы привлечь в качестве сравнительного материала данные об эскимосских и в особенности тлинкитских празднествах и представлениях, которые гораздо тщательнее изучены. Вопрос этот может служить предметом специального исследования.

Лишний раз обращая внимание на количественную ограниченность материала по алеутам вообще, надо особенно отметить ту исключительную ценность, которую представляют собой и те две маски, подаренные Архимандритовым, которым посвящена настоящая статья.

Все изложенное выше убеждает нас в том, что эти две маски являются шаманскими масками, они были положены в качестве погребального инвентаря наряду с прочими вещами в места шаманского захоронения в пещере на о. Атха и погребальными в прямом смысле этого слова названы ошибочно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СОБИРАТЕЛЕ АЛЕУТСКИХ МАСОК КАПИТАНЕ АРХИМАНДРИТОВЕ

Большой интерес, как оказалось, представляла собой и личность самого собирателя, доставившего ряд ценных экспонатов в академические музеи, в их числе и описанные выше алеутские маски. Кто был этот капитан Российско-Американской компании, занимавшийся между прочим и собиранием естественно-научных и этнографических коллекций? Почему он передал свои собрания через академика Шренка, а не лично, и при каких это произошло обстоятельствах? Почему носил он фамилию, указывающую как будто на духовное его происхождение? Каковы были его имя и отчество и почему ни в сопроводительных документах, ни в представлении Шренка они не были упомянуты?

Естественно, что краткие сведения инвентарных записей не давали ответа на все эти недоуменные вопросы и не могли удовлетворить законного интереса к личности самого собирателя.

В 1953 г. Военное издательство Министерства Обороны СССР выпустило в свет солидный сборник статей под заглавием «Русские мореплаватели», в котором была помещена обширная работа справочного характера И. П. Магидович, озаглавленная «Известные русские мореплаватели». В их списке на стр. 476 упомянута фамилия Архимандритова, и вот, что о нем сообщается:

«А р х и м а н д р и т о в, имя и отчество не выяснено (XIX в.), „вольный шкипер“, исследователь зал. Аляска, находясь на службе Российско-Американской компании, описал ок. 1846 г. по поручению главного правителя компании М. Д. Тебенькова все побережье п-ва Кенай от м. Якорного (Анкоридж) у вершины зал. Кенайского (Кука) до о. Цукли (Монтэгу), весь о. Кадьяк и лежащие к югу от него за проливом Ситки-нак о-ва Троицы (Тугидах и др.)».¹

Сведения, опубликованные в этой справке, не только не разъясняют недоуменные вопросы, но еще более умножают их количество. Что же это за исследователь, имя и отчество которого выяснить не удалось, а вместе с тем он заслуживает быть упомянутым в списке и з в е с т н ы х русских мореплавателей? Как может быть и з в е с т н ы м деятель, о котором нельзя сообщить ни одной даты? И почему остались неизвестными время его рождения, смерти, и вообще даты его деятельности? Что представляет собой должность «вольный шкипер» и кому присваивалось это звание?

Широко известен среди географов «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до м. Корриэнтес и о. Алеутских с присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии», изданный в 1852 г. и составленный М. Д. Тебеньковым, бывшим правителем Российско-Американской компании в 1845—1850 гг. Наряду с прочими материалами М. Д. Тебеньков, несомненно, должен был использовать для этого атласа и то описание, которое выполнил по его поручению Архимандритов.

¹ Русские мореплаватели. Воениздат, М., 1953, стр. 476.

Естественно было прежде всего обратиться к упомянутому труду М. Д. Тебенькова в целях разыскания каких-либо сведений об Архимандритове. В приложенных к Атласу «Гидрографических замечаниях» автора упоминается, что в 1848 г. Архимандритов описал южный берег зал. Качетмак, а в 1849 г. (а не около 1846 г., как сообщается в справке Магидовича) произвел описание, о котором речь шла выше. По поводу последней работы М. Д. Тебеньков пишет: «Поручение было сделано мною штурману Архимандритову и он весьма отчетливо выполнил возложенное на него (разрядка моя, — А. А.).»¹

По этой последней характеристике надо полагать, что в лице Архимандритова мы имеем дело с толковым, образованным, аккуратным и любознательным человеком, хорошо знающим свое дело и прекрасно выполняющим возложенные на него поручения. Таких людей среди служащих Российско-Американской компании насчитывалось не так уж много!

Как и почему получилось так, что фигура такого человека осталась в тени, в то время как автор, использовавший его материалы (М. Д. Тебеньков), приобрел широкую известность? Как и почему оказался возможным тот факт, что и имя этого, надо думать, выдающегося человека было предано забвению?

Чтобы ответить на все эти вопросы и восстановить историческую справедливость, пришлось проделать значительные изыскания в архивах.²

В итоге этой работы удалось установить следующее.

8 августа 1837 г. из Кронштадта в Ново-Архангельск отправился в плавание корабль «Николай» под командой капитан-лейтенанта Евгения Андреевича Беренса. Так началась, между прочим, так называемая одиннадцатая кругосветная экспедиция, в организации которой принимала непосредственное участие и Российско-Американская компания. На борту этого корабля находился воспитанник компании креол Ларрион Архимандритов, что и отмечено в списке экипажа и пассажиров за № 22.³

Как и зачем оказался он на борту этого корабля? Почему в списке экипажа и пассажиров, где он упоминается, указывается в большинстве случаев получаемое тем или иным упоминаемым лицом жалованье, а об Архимандритове этих сведений нет?

Для ответа на эти вопросы постараемся выяснить, кто же такие креолы и каково было их положение во владениях Российско-Американской компании.

С первых же дней своего существования упомянутая компания была серьезно заинтересована в кадрах своих служащих. Привлекаемые для работы в колониях специалисты из России зачастую не оправдывали возлагаемых на них надежд. Правители компании, начиная с Шелихова, крайне озабочены были подготовкой кадров из местного населения и уделяли этому вопросу много внимания. Весьма удобными в этом отношении оказываются креолы, т. е. потомки русских и алеуток, которые, с одной стороны, будучи, наполовину русскими, скорее и с большими результатами могли быть подвергнуты соответствующей обработке, а с другой стороны, прекрасно знали местные условия и были приспособлены к жизни в этих условиях.

Поэтому, всячески поощряя браки русских промышленников с алеутками (безразлично: оформленные церковью или так называемые «незаконные») на том основании, что «рождающиеся от них дети поневоле соединяют с русскими тех алеут, кои находятся с ними в родстве, да и самые дети, будучи все крещены (разрядка моя, — А. А.), навязывают быть уже русскими, а не алеутами, а таковое перерождение есть прочность для русских»,⁴ еще в 1818 г. министру внутренних дел Козодавлеву главное правление представило составленный еще Резановым проект создания из креолов «сословия колониальных граждан», «креолов употребить на пользу отечеству и компании» и, между прочим, «способных употребить к мореходству». Как пишет

¹ [М. Д. Тебеньков]. Гидрографические замечания к Атласу северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых других мест Северного Тихого Океана капитана 1 ранга Тебенькова. СПб., 1852, стр. 21.

² Помимо указанной литературы, для настоящей статьи были обследованы фонды Военно-Морского музея в Ленинграде, где были обнаружены некоторые редкие издания. Кроме того, были просмотрены рукописи трудов о Российско-Американской компании, собранные Ф. Ф. Веселаго, в Ученом архиве Географического общества; фонды И. Г. Вознесенского в Архиве Академии наук СССР, а также фонды Училища торгового мореплавания в Историческом архиве Ленинградской области.

³ Архив Географического общества, Материалы, относящиеся к плаванью корабля «Николай», разр. 99, № 69.

⁴ Архив народного хозяйства, фонд Департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст. 1818 г., д. № 222, л. 108. (Цит. по: С. О к у н ь. Российско-Американская компания. М.—Л., 1939, стр. 201).

⁵ Там же, д. № 361, л. 1. (цит. по: С. О к у н ь. Российско-Американская компания, стр. 201).

историк Российско-Американской компании С. Окунь: «Положение креолов впервые было оформлено в уставе Российско-Американской компании, утвержденном в 1844 году».¹ Для осуществления этого плана в колониальных владениях компании организуется сеть общеобразовательных школ, каковых до 1844 г. существовало в Ново-Архангельске две (мужская и женская), на Кадьяке две (мужская и женская) и на Уналашке две. По утверждении устава в 1844 г. все эти школы были объединены в одну мужскую и в одну женскую с местонахождением в Ново-Архангельске. В мужской школе обучали чтению, письму, закону божию, грамматике и первым основаниям арифметики; в женской ограничивались приучением к рукоделиям и к разным хозяйственным работам. По окончании этой школы и по достижении совершеннолетия (т. е. 17 лет) воспитанники ее (или как их именовали «воспитанники компании», так как они обучались за счет последней) поступали на службу Российско-Американской компании.

Вместе с тем наиболее способных из них ждала и особая участь.

Как указывает П. Тихменев в своем «Историческом обозрении образования Российско-Американской компании», «по выпуске из мужской школы воспитанники, одаренные хорошими способностями и оказавшие хорошие успехи в науках, отправляемы были для окончательного образования в С.-Петербург в училище торгового мореплавания».²

Нам известно также, что еще Резанов приказал в отношении таких учеников «отправлять их в Москву или Петербург для обучения наукам, мастерствам и ремеслам. По прошествии же пяти лет возвращать... в Америку, заменяя их другими».³ Воспитанники компании, окончившие училище торгового мореплавания в Петербурге, получали звание «вольного штурмана», очевидно, в отличие от военных моряков, которые обучались, например, в штурманском училище в Кронштадте и куда также отправлялись креолы — воспитанники компании: известно, что на кораблях Первой кругосветной экспедиции в 1803 г. под командованием Крузенштерна и Лисянского были отправлены четыре мальчика-креолы, которые «были назначены по высочайшему повелению обучаться мореходным наукам в штурманском училище в Кронштадте».⁴

Интересные сведения находим мы о правовом положении «воспитанников компании» в уставе Российско-Американской компании от 1844 г., в специальном «Отделении III о креолах». Здесь, в §§ 241, 243 и 246, говорится: «Те из креолов, кои, обучаясь в России на иждивении компании в высших учебных заведениях, получают звания студентов и лекарей или военные и гражданские чины, не должны отказываться от пребывания и служения в колониях в течение десяти лет с получением пристойного жалования и содержания от компании»; «Креолы, обучавшиеся на иждивении компании в самих колониях, обязаны прослужить там не менее пятнадцати лет, считая от 17-летнего возраста...»; «Незаконнорожденные креолы должны быть призрены и обучаемы на иждивении компании попечениями колониального управления».⁵

К какой же из этих трех категорий принадлежал «воспитанник компании» креол Ларион Архимандритов?

Мы еще не можем ответить на этот вопрос, хотя многие стороны биографии его для нас уже прояснились.

Итак, по рождению Архимандритов был креолом, т. е. сыном русского и алеутки; он был воспитанником компании, следовательно, обучался на счет последней; учился он по всей вероятности в училище торгового мореплавания в Петербурге,⁶ почему и именовался впоследствии «вольным штурманом»; в 1837 г. он, очевидно, окончил названное училище и на корабле «Николай» в о з в р а щ а л с я на родину (по-видимому, этим и объясняется, что в списках лиц, находящихся на борту «Николая», он именуется «воспитанником компании», а сумма получаемого им жалования не указана потому, что он в это время еще не находился на службе в компании).

¹ С. Окунь. Российско-Американская компания, стр. 201.

² П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, т. II. СПб., 1863, стр. 272.

³ Там же, т. I, СПб., 1861, стр. 139.

⁴ Там же, стр. 140.

⁵ Там же, т. II, Приложения, стр. 55—56.

⁶ Кстати сказать, училище это, очевидно, выпускало своих воспитанников с хорошей подготовкой, вполне устраивавшей компанию, о чем мы можем судить хотя бы по той оценке, которая дается им в отчете главного правителя Российско-Американской компании Этолина за 1840—1841 гг. Здесь пишется: «Г. Этолин нашел возможным поручить суда, оставшиеся без командиров, частью младшим офицерам, а частью и воспитанникам Училища торгового мореплавания, почтенному директору коего Павлу Матвеевичу Муравьеву компания обязана за доставление колониям этих усердных и сведущих мореходов (разрядка моя, — А. А.)» (см.: Архив Географического общества, разр. 99, оп. 1, № 74). Как увидим впоследствии, именно таким учеником оказался и Л. Архимандритов.

Отправиться же из Петербургского училища обратно во владения Российско-Американской компании командированному туда креолу можно было только или по окончании курса, или по болезни.

Документально теперь известно нам и имя Архимандритова — Ларион, т. е. Илларион. Мы можем даже сказать, что ему могло быть тогда не менее 22 лет: по достижении 17-летнего возраста он мог быть направлен в Петербургское училище, где должен был обучаться в течение пяти лет.

Понятной становится и его странная и неожиданная на первый взгляд фамилия: при крещении миссионеры очень часто давали так называемым инородцам фамилии, свойственные обычно духовенству; это было распространеннейшим явлением во всей Российской империи.

14 апреля 1838 г. корабль «Николай» прибыл в Ново-Архангельск, но уже с 1 апреля 1838 г. «мореход Ларион Архимандритов», как он именуется в списке, поступил на службу в Российско-Американскую компанию с жалованьем тысяча двести рублей в год. Сведения об этом находим мы в «Табели чиновников и других при должности служащих людей в колониях Российско-Американской компании к 1-му Мая 1840 года».¹ В этой же табели обозначено, что в то время как со многими служащими компании условие об их службе было заключено при поступлении на определенный срок, Архимандритов был зачислен на бессрочную службу вместе с рядом своих сотоварищей, по национальности также креолов. Это дает основание предполагать, что Ларион Архимандритов был незаконнорожденным и по этой причине обучался на иждивении компании, а таких лиц последние закарбалывали на всю жизнь. Может быть, этим же могут быть объяснены и непонятные небрежность и забывчивость в отношении Архимандритова: с креолом, да еще незаконнорожденным можно было не церемониться, даже если он и был талантливым человеком и безупречным на служебном поприще.

Судя по имеющимся данным, во время службы в компании И. Архимандритов показал себя как энергичный, смелый, находчивый и знающий моряк. Так, уже через четыре года после поступления на службу, он, плавая штурманом, спас корабль компании «Александр I», потерпевший крушение на обратном пути из Калифорнии в Ново-Архангельск. Вот как описывает это происшествие на основании донесений Архимандритова П. Тихменев:

«Огромная волна покрыла вдруг судно с правой стороны, отчего оно бросилось к ветру и подверглось всей ярости волнения. . . Красильникова (штурмана, — А. А.), двух рулевых матросов и юнгу снесло в море и, сверх того, убило находившегося в числе команды колоша. От сильного напора воды выломило борта, сломало гик, гафель и штурвал и снесло нактауз, все шлюпки с боканцов и светлые люки, отчего внутренняя часть судна наполнилась до половины своей высоты водою». (Командир судна капитан Кадников, оказавшийся в своей каюте, не смог оттуда выбраться и в конце концов был убит, — А. А.). В тоже время другой штурман Архимандритов был в своей каюте, в положении не менее ужасном. Постигая опасность, в которой находилось судно и слыша голос командира и крики матросов. . . он старался всеми силами выплыть к верхней палубе; но множество разных обломков представляли препятствия повсюду. Наконец при чрезвычайных усилиях он успел выбраться наверх и, бросившись к рулю, распорядился тотчас же привести корабль в бейдевинд».

Архимандритов, приняв на себя командование кораблем, после двух суток шторма благополучно прибыл в Ново-Архангельск. За этот подвиг «штурман Архимандритов, благоразумной и энергической распорядительности и необыкновенному присутствию духа которого компания вполне обязана была спасением корабля, всемилоостивейше награжден (был) по представлению главного правления ее, золотою медалью для ношения на шее на ленте ордена св. Анны».²

Во время правления М. Д. Тебенкова, состоявшего, как уже было сказано, главным правителем компании в 1845—1850 гг., по поручению последнего в 1848—1849 гг. И. Архимандритов описал южный берег зал. Качетмак, берег Америки между Якорным мысом в зал. Кенайском и о. Сукли в зал. Чугацком, весь остров Кадьяк и острова, лежащие от него к югу: Ситхинак, Тугидах и др. Выполнил он это поручение, требующее специальных знаний и умения, по аттестации самого Тебенкова, «весьма отчетливо».

В 1839—1845 гг. в районе деятельности Российско-Американской компании работал Илья Гаврилович Вознесенский, имя которого, как выдающегося собирателя (ему обязан в значительной степени своими коллекциями Отдел Америки МАЭ), вошло

¹ См.: Ученый архив Географического общества, разр. 99, оп. 1, № 78.

² П. Тихменев. Историческое обозрение. . . т. II, стр. 229.

в русскую науку.¹ Можно думать, что И. Г. Вознесенский был не только сам выдающимся собирателем, но и отличался не менее выдающимися организационными способностями: он сумел вокруг своей деятельности создать то, что теперь мы назвали бы «активом», и сумел заразить страстью к исследованиям и собирательству многих людей.

Будучи сам препаратором-зоологом по специальности, Вознесенский при содействии администрации компании окружает себя учениками, которым он со всем рвением передает свои знания. По прибытии его на место к нему были прикреплены «два малолетних креола, выбранных из Новоархангельского училища для обучения искусству препарации».² В дневниках Вознесенского неоднократно встречаются записи о его занятиях с самыми различными учениками, причем характерно, что он никогда не забывает упомянуть фамилии ученика и отметить его успехи. Мало того, не ограничиваясь преподаванием, Вознесенский устраивал публичные лекции-демонстрации для чиновников компании, рассчитывая, очевидно, приохотить последних к научной работе.³ Можно думать, что настойчивая пропагандистская деятельность И. Г. Вознесенского достигла цели, ибо он сам в одном из своих донесений отмечает «готовность всех командиров и других лиц собирать предметы натуральной истории и этнографии с пламенным энтузиазмом к моим просьбам и доводам».⁴ А один из близких по научным интересам к Вознесенскому людей, лейтенант Лаврентий Загоскин, писал об этом: «зоолог-препаратор г-н Вознесенский независимо от своих трудов на пользу императорской Академии наук успел во многих из нас вдохнуть страсть к собиранию естественных предметов в стране, до того времени столь мало известной ученому свету».⁵

Сам И. Г. Вознесенский в донесении акад. Ф. Ф. Брандту от 14 ноября 1847 г. пишет: «для сведения считаю приличным теперь сообщить... что в Российско-Американских колониях многие туземцы научены мною по всем частям искусству препарации»; в числе его многочисленных учеников, «которые знанием этого дела заслуживают... полного одобрения и могут всегда при содействии Главного правления по желанию Музеума Академии быть полезными», он упоминает на о-вах св. Павла управляющего К. Шашникова, на Уналашке — лекарского помощника И. Петелина, на Кадьяке — медицинского чиновника Зыкова и лекарского ученика Паншина, на Ситхе — креола Дружинина и лекарского помощника Осколкова.⁶

Знавал ли И. Г. Вознесенский «вольного штурмана» Архимандритова и встречался ли он с ним, неизвестно; никаких прямых указаний на этот счет обнаружить пока не удалось. Однако трудно предположить, чтобы, заручившись согласием принять участие в собирательской работе «от всех командиров и других лиц», И. Г. Вознесенский мог спокойно пройти мимо любознательного, толкового и грамотного человека, каким был штурман Архимандритов, по роду своей службы посещавший на судах компании различные районы Русской Америки.

Нет ничего странного в предположении, что к собиранию «естественных предметов» И. Г. Вознесенский привлек и штурмана Архимандритова, так же как он «вдохнул страсть к собиранию» во многих, в том числе и в лейтенанта Загоскина, привезшего из своего пешеходного путешествия в 1842—1844 гг. также интереснейшие коллекции.

Надо сказать, что стремление к созданию музейных фондов было делом далеко не новым для Российско-Американской компании: еще в 1786 г. отбывавший «за общию нуждою» в Охотск Григорий Шелихов ориентировал своего заместителя, главного правителя К. А. Самойлова:

«Заблаговременно к вывозу приготовить игровых нарядов, как то: личин, шапок, венков, бубнов, в руках держащие побрекушки и прочия»; пункт 23 его «наставления», по существу, представлял собой программу обширной собирательской деятельности.⁷

Один из самых выдающихся деятелей Российско-Американской компании, главный правитель А. А. Баранов, организовал в начале XIX в. на о. Кадьяке музей,⁸ где собирались образцы флоры и фауны Аляски, образцы ее природных богатств, предметы, характеризующие быт и культуру народов, населяющих владения компании. Впоследствии такой же музей был создан и в Ново-Архангельске. А один из пра-

¹ И. Г. Вознесенский выехал из Кронштадта 20 августа 1839 г. и прибыл на о. Ситху 1 мая 1840 г. В обратный путь он отправился в мае 1846 г. и 27-го числа прибыл в Охотск.

² Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839 г., № 9, рапорт акад. Ф. Ф. Брандту.

³ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, № 5.

⁴ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, № 27.

⁵ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. Географиз, М., 1956, стр. 151.

⁶ Архив АН СССР, ф. 51, оп. 2, № 240, л. 44/2.

⁷ См.: П. Т и х м е н е в. Историческое обозрение..., т. II, Приложения, стр. 15.

⁸ См. «Летопись Аляски» в кн.: С. М а р к о в. Юконский ворон. Л., 1946, стр. 245.

вителей компании, Куприянов, с которым Вознесенский встретился в Америке, «собрал из разных мест Северо-Западной Америки большую коллекцию зоологических и этнографических предметов»;¹ часть из них через Вознесенского была передана в дар Академии наук.

Возможно, что, будучи служащим компании, Архимандритов наряду с выполнением служебных поручений по роду своей деятельности получал и задания по сбору соответствующих коллекций для местных музеев. Как бы там ни было, в одно из своих плаваний по заданию правителя Архимандритов проник в одну из пещер на о. Атха, где он обнаружил древнее погребение и откуда вывез две старые шаманские маски, о которых речь шла выше.

Каким образом эти маски, как и вся коллекция Архимандритова, попали в руки акад. Шренка, точных указаний обнаружить не удалось. Предположительно можно думать, что встреча «вольного штурмана» Архимандритова, который к тому времени уже самостоятельно командовал каким-либо судном (почему Шренк и именует его «капитаном», скорее всего в смысле командира судна — *capitaine de vaisseau* — а не в смысле звания), с академиком произошла в Николаевском посту (впоследствии Николаевске-на-Амуре), поселке, основанном Невельским в 1850 г., где академик Леопольд Иванович Шренк и проживал во время своей Амурской экспедиции 1854—1856 гг. О своем пребывании в этом посту Шренк упоминает в известном труде, и, в особенности, в письмах.² Что же касается Архимандритова, то последний мог оказаться в это время также на Амуре, ибо, начиная с 1846 и по 1858 г., царское правительство ведет широкое обследование Амура и его района, создавая как сухопутные, так и морские экспедиции и привлекая к этому Российско-Американскую компанию. Так, в 1846 г. для работ по обследованию устья Амура направляется компанейское судно «Константин» под командой Гаврилова. В 1849 г. начинается широко известная деятельность капитан-лейтенанта Г. И. Невельского, поручая которому обследование устья реки, «сибирский генерал-губернатор предлагает одновременно с этим Российско-Американской компании отправить к устью Амура сухопутным путем торговую экспедицию, имевшую целью основание в этом крае русских поселений».³

Первое русское поселение на Амуре — Петровское — было основано Невельским и начальником торговой экспедиции компании Орловым, а в 1851 г. служащие компании были поселены на посту Николаевском.

Одним словом, как пишет советский историк Российско-Американской компании С. Окунь, «компанейский флот, основной кадр ее служащих — все теперь было брошено на освоение Амурского края».⁴ Российско-Американская компания принимала самое деятельное участие в обследовании и освоении Амура. При таких обстоятельствах и Архимандритову немудрено было попасть на Амур, а оказавшись здесь, возможно даже и в Николаевском посту, он не мог не встретиться с акад. Шренком, которому он, естественно, и передал свои собрания, так как побывать лично в Петербурге, да еще на заседании Академии наук, ему вообще едва ли бы удалось.

В 1860 г. Ларион Архимандритов снова заслужил быть упомянутым в связи с гибелью корабля «Кадык». Приняв на о. Лесном груз льда и направляясь в Сан-Франциско, корабль этот при выходе в море получил пробоину в носовой части и стал тонуть. Шкипер Архимандритов, командир судна, благополучно свез команду на о. Лесной. «Сам же... оставил судно последним, когда уже вода начала быстро в него вливаться, но держался однако же вблизи его на шлюпке, изыскивая все средства спасти, что только было возможно».⁵

И хотя на этот раз спасти судно не удалось, снова Архимандритов показал себя как мужественный и находчивый командир, благодаря распорядительности которого катастрофа обошлась без единой человеческой жертвы.

18 марта 1867 г. русские владения в Америке были проданы правительству Соединенных Штатов. Иллариону Архимандритову, как можно предполагать, в это время было уже лет за пятьдесят; по всей вероятности, он давно уже обзавелся семьей и с ликвидацией Российско-Американской компании становился безработным. Как пишет об этом С. Марков, «многие из русских и креолов оказались в трудном положении. Им не хотелось расставаться со страной, которая была им родной, их пугала также и полная неизвестность того, где и как они будут жить в России».⁶ Кроме того, канцелярские чиновники компании просто забыли о судьбе более чем ста поселенцев Ново-Архангельска: их не включили в списки отъезжавших в Россию, и эти люди так и оста-

¹ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1839 г., № 9.

² Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб., 1903. — L. von Schrenk. Briefe an der Kaiserlich-Russische Academie der Wissenschaften in St. Petersburg. . . In den Jahren 1854—1856.

³ С. Окунь. Российско-Американская компания, стр. 208.

⁴ Там же, стр. 209.

⁵ П. Тихменев. Историческое обозрение. . . , т. II, стр. 226.

⁶ С. Марков. Юконский ворон, стр. 311.

лись на Аляске. Среди этих людей были и чиновники компании, и мореходы, и священники, и деятели культуры (например, смотритель музея А. П. Кашеваров, кстати тоже креол). Вполне возможно, что среди этих забытых и, по существу говоря, проданных вместе со своей родиной людей оказался и мореход, «вольный штурман», командир компанейских кораблей Илларион Архимаандритов.

Все имущество Российско-Американской компании перешло в руки предпринимателя Г. М. Гутчинсона, немедленно создавшего на обломках последней уже только американскую, Аляскинскую компанию. Эта новая компания была крайне заинтересована в привлечении на службу креолов и русских — бывших служащих Российско-Американской компании: в большинстве случаев это были опытные, знающие свое дело работники. Таким образом, Илларион Архимаандритов оказался главным агентом предприятия Гутчинсона.¹

Этим фактом заканчивается для нас биография этого незаурядного человека, храброго и знающего свое дело морехода, толкового исследователя новых земель, любознательного собирателя, тридцать лет своей жизни отдавшего на пользу своей родине и незаслуженно позабытого вместе со многими его сородичами-креолами, воспитанниками компании, среди которых было немало полезных и даже выдающихся для своего времени людей. Не даром же в отчете одного из компанейских чиновников о креолах сообщается, что «некоторые из них занимают довольно важные должностные места, как-то: бухгалтеры, содержатели пакгаузов, помощники судовых командиров и даже судовые командиры, церковнослужители, и лучший священник в колониях есть креол»,² а ведь это последнее в устах царского чиновника XIX в. могло быть только наивысшей похвалой!

¹ С. Марков. Юконский ворон, стр. 313.

² Архив Географического общества, ф. 99, оп. 1, № 79.